

Таким образом, говоря о преступлениях против собственности, совершаемых с применением психического насилия, необходимо выделять не только общий, родовой, видовой и непосредственный объекты, а также подгрупповой объект. Видовым же объектом данной категории преступлений будет являться не собственность, а отно-

шения, возникающие по поводу владения, пользования и распоряжения собственником своим имуществом, а также по поводу владения имуществом на праве хозяйственного ведения, оперативного управления либо по иному основанию, предусмотренному законом или иным правовым актом, лицом, не являющимся собственником.

УДК 343.228

**ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА
НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ
ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**
**Stages of Historical Development of the Justifiable Defence Institute
in the Criminal Law of Post Revolutionary Russia**

Е. И. Бувич – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Омской юридической академии

E. I. Buyevich – postgraduate student of the Criminal Law and Criminology Department of the Omsk Law Academy

***Аннотация.** В статье рассмотрено развитие уголовного законодательства о необходимой обороне, уделено внимание этапу развития данного института в послереволюционной России. История необходимой обороны разделена на два этапа: советский период и постсоветский период. Определение этапов происходит по критерию основных источников, в которых прослеживаются признаки необходимой обороны.*

This article deals with the development of the criminal legislation of the justifiable defence. Attention is paid to the stage of development of this institute in the post revolutionary Russia. The history of the justifiable defence is subdivided into two stages: the soviet period and the post soviet period. The stages are defined according to the criterion of the main sources containing the features of justifiable defence.

***Ключевые слова:** история, необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны. History, justifiable defence, exceeding the limits of justifiable defence.*

Вопросы совершенствования норм, регламентирующих необходимую оборону и практику их применения, нельзя рассматривать в отрыве от истории становления и развития законодательства. Это объясняется тем, что анализ накопленного исторического опыта позволяет лучше использовать все то, что было в уголовном праве того времени. «Изучение прошлого, – как отмечал Б. М. Кедров, – может и долж-

но служить средством для того, чтобы понять настоящее и предвидеть будущее и на основе этого осмыслить развитие науки как целенаправленный исторический процесс. В этом состоит одна из основных, если не главных задач науки»¹.

Развитие института необходимой обороны в уголовном праве послереволюционной России можно разделить на этапы по их правовой регламентации.

¹ Кедров Б. М. История науки и принципы ее исследования // Вопр. философии. 1997. № 9. С. 78.

I этап – советский период

После революции 1917 г. начинается создание нового уголовного закона, основанного на принципах революционной совести и революционного правосознания. Впервые упоминается о необходимой обороне в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. Статья 15 закрепляла следующее положение: «Не применяется наказание к совершившему насилие над личностью нападающего, если это насилие явилось в данных условиях необходимым средством отражения нападения или средством защиты от насилия над его или других личностью и если совершенное насилие не превышает меры необходимой обороны»². Основываясь на данной статье, можно сделать вывод, что оборона допускалась лишь от насильственных посягательств, предел допустимого вреда определялся признаком «необходимости».

Первый Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. в ст. 19 закреплял следующее положение: «Не подлежит наказанию уголовно наказуемое деяние, совершенное при необходимой обороне против незаконного посягательства на личность или права обороняющегося или других лиц, если при этом не допущено превышения пределов необходимой обороны». Кодекс расширил понятие необходимой обороны, охватив им правомерную защиту против посягательств, направленных не только на личность, но и на права обороняющегося или иных лиц. Под превышением пределов необходимой обороны при защите от посягательства понималось причинение смерти посягающему (ст. 145) или тяжких телесных повреждений (ст. 152)³.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. в ст.ст. 13, 48 содержательно не изменил нормы, регламентирующие необходимую оборону и превышение ее пределов⁴.

В судебной практике отсутствовало единообразие применения норм о необходимой обороне, в связи с чем Пленум Верховного Суда СССР 23 октября 1956 г. в постановлении «О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой

обороне»⁵ впервые сформулировал свою позицию по проблемам необходимой обороны. В данном постановлении отмечалось, что право необходимой обороны подразумевает право активной защиты от противоправных посягательств. При этом подчеркивалась недопустимость требования к гражданам действовать активно лишь при невозможности спастись бегством.

Определенную роль в совершенствовании института необходимой обороны и улучшении правоприменительной практики сыграло постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. № 11 «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне»⁶.

Последовательное свое развитие институт необходимой обороны получил в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. Статьей 13 установлено: «Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершенное в состоянии необходимой обороны, то есть при защите интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. Превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства»⁷. Это положение отличалось от положения Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. и Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., где указывалось, что эти действия приравнивались к преступлению, однако не подлежали наказанию.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. не внесли существенных изменений в нормативное регулирование института необходимой обороны. Так, в ст. 13 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. закреплялось следующее положение: «Не является преступлени-

² Собр. узаконений РСФСР. 1919. № 66. С. 590.

³ См.: Собр. узаконений РСФСР. 1922. № 15. С. 153.

⁴ См.: Собр. узаконений РСФСР. 1926. № 80. С. 600.

⁵ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1963 / сост. В. И. Теребилов. М.: Известия, 1964. С. 178–185.

⁶ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1970. М.: Известия, 1970. С. 326.

⁷ Ведомости Верховного Суда СССР. 1959. № 1. С. 15.

ем действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но совершенное в состоянии необходимой обороны, то есть при защите интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. Превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства»⁸.

На данном этапе происходит более четкая законодательная регламентация, определяется степень превышения пределов необходимой обороны. Постановления Пленума Верховного Суда разъясняют порядок применения норм, рассмотренных дел, связанных с необходимой обороной.

2 этап – постсоветский период

Политические и экономические процессы, происходившие в России в 90-е годы XX в., актуализировали вопрос о необходимости совершенствования законодательства, с тем чтобы сделать как можно более эффективной охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности. Впервые в 1992 г. на законодательном уровне была закреплена возможность граждан использовать в целях обороны огнестрельное и иное оружие, а также специальные средства. Так, Президентом Российской Федерации 8 ноября 1992 г. изданы указы «О специальных средствах самообороны, снаряженных веществами слезоточивого и раздражающего действия»⁹ и «О разрешении приобретения, хранения и использования гладкоствольного оружия гражданами, ведущими крестьянское (фермерское) хозяйство»¹⁰. Указанные нормативные акты в целях защиты жизни, здоровья и собственности граждан разрешили приобретение, хранение и использование газовых пистолетов, аэрозольных баллончиков. Вместе с тем указанные нормативные акты не могли достичь своей цели без четкого закрепления в нормах уголовного закона условий и пределов правомерности необходимой обороны.

Изменения политической ситуации в России вызвали необходимость в принятии уголовного закона, отвечающего требованиям нового времени. Принятый в 1996 г. и вступивший в силу с 1 января 1997 г. Уголовный кодекс Российской Федерации исходит из приоритета интересов личности и основывается на строгом соблюдении данного принципа. Часть 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации закрепила право каждого на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом, что выразилось в расширении перечня обстоятельств, исключающих преступность деяния, ранее самостоятельно не регламентированных уголовным законодательством России.

Статья 37 Уголовного кодекса Российской Федерации регламентирует институт необходимой обороны, основываясь на приоритете интересов личности над общественными и государственными. В новой редакции законодатель указывает, что «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны». Вернувшись к формулировке института необходимой обороны, имевшей место в ст. 13 УК РСФСР 1960 г., законодатель поставил интересы личности во главу угла и, таким образом, указал на приоритеты общественных отношений, охраняемых уголовным правом в соответствии с Конституцией Российской Федерации, признающей личность и ее права высшей ценностью государства. Однако, как показывает анализ элементов санкций нормативных предписаний, закрепленных в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, вовсе не права и свободы человека и гражданина являются наивысшей ценностью, а интересы государственной власти¹¹.

Необходимо отметить, что вопросы обстоятельств, исключающих преступность деяния, являются актуальными и в настоящее время. В частности, В. В. Бабурин говорит о существовании системы обстоятельств, исключающих преступность деяния. В уголовном законе их перечень не называется системой, но ряд авторов приходят к формальному выводу о том, что такая система существует. Указанные в главе 8 Уголовного кодекса Российской Федерации

⁸ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. С. 591.

⁹ См.: *Собр. актов Президента и Правительства Российской Федерации*. 1992. № 20. С. 1656.

¹⁰ Там же. С. 1657.

¹¹ См.: *Коняхин В. П.* Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 173.

обстоятельства в настоящее время не отвечают критериям системы обстоятельств, исключающих преступность деяния. Таким образом, си-

стема обстоятельств, исключающих преступность деяния, в настоящее время сформирована не до конца¹².

УДК 343.1

**МЕДИАЦИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ
(ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ)
Mediation in Criminal Cases of Juveniles and Juvenile Justice
(Problems of Concepts Correlation)**

Е. Е. Забуга – соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики Омской юридической академии

E. E. Zabuga – postgraduate student of the Criminal Procedure and Criminalistics Department of the Omsk Law Academy

***Аннотация.** В статье анализируются вопросы соотношения медиации по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и ювенальной юстиции, делается вывод о соотношении их как части и целого.*

The article deals with the problems of mediation correlation in criminal cases of juveniles and juvenile justice. The author comes to the conclusion of their correlation as a part and the whole.

***Ключевые слова:** медиация, ювенальная юстиция, несовершеннолетние, уголовное судопроизводство.*

Mediation, juvenile justice, juveniles, criminal procedure.

*Законы и установления должны идти рука
об руку с прогрессом человеческой души.
Томас Джефферсон*

За последнее десятилетие в юридической науке и практике неоднократно поднимался вопрос о становлении в России ювенальной юстиции, ее составляющих и содержания¹. До настоящего времени ювенальная юстиция имеет как своих идеологов², так и ярых противников³. Этот вопрос стал

своего рода краеугольным камнем, который не оставил равнодушным и первое лицо государства.

Так, на первом съезде родителей России, прошедшем 9 февраля 2013 г., Президент России В. В. Путин заявил: «Люди действительно озабочены, протестуют по поводу механизмов так называ-

¹² См.: *Бабурин В. В.* Крайняя необходимость и обоснованный риск: проблемы разграничения // Науч. вестник Ом. акад. МВД России. 2007. № 1. С. 16.

¹ Еще в 2000 г. на страницах журнала «Российская юстиция» шла очень интересная дискуссия о перспективах ювенальной юстиции. См.: *Рос. юстиция.* 2000. № 6–7, 10.

² См.: *Сорочинская Е. Н., Чальцева И. С.* Развитие ювенальной педагогики как фактор стабилизации положения молодежи в Российской Федерации // *Философия права.* 2010. № 2. С. 18–22.

³ См.: *Медведева И. Я.* Ювенальная юстиция как угроза семье, обществу и государству // *Философия права.* 2010. № 2. С. 7–9.